

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА

Уточняется общественно-политическая позиция митрополита Московского первой половины XVI в. Даниила. Автор приходит к выводу, что его сотрудничество с государственной властью было во многом вынужденным и не носило масштабного характера.

Ключевые слова: *Российское государство, Русская православная церковь, история, XVI век.*

Личность и деятельность митрополита Московского и всея Руси Даниила (годы правления 1522–1539) едва ли может оставить без внимания хоть один исследователь культурной и политической истории России первой половины XVI в. В то же время непосредственно в фокусе внимания историков он оказывается сравнительно редко, и это несмотря на достаточно обширное и во многом оригинальное творческое наследие. Академический справочник по книжности Древней Руси признает, в частности, что «хронология как слов, так и посланий писателя почти не разработана» [1, с. 184]; приводимая в том же издании библиография литературы о нем по состоянию на конец 80-х гг. XX в. впечатляюще скудна (по сравнению с литературой о Максиме Греке, Ермолае-Еразме и других современниках митрополита) [1, с. 185, 225; 2, с. 96]. Радикального изменения историографической ситуации с того времени, насколько известно, не произошло.

Данная статья вовсе не претендует на ликвидацию всех белых пятен, которые до сих пор присутствуют в изучении проблемы. Для этого необходимо отсутствующее на сегодняшний день академическое издание всех его произведений (либо непосредственная работа с рукописями). Однако поставить предварительную задачу локального и в то же время обобщающего характера, а именно уточнения идейно-политической позиции Даниила по вопросу о положении Церкви в обществе и отношениях ее с государственной властью, думается, возможно.

Причины того, что митрополит Даниил до сих пор является своего рода «пасынком» историографии России раннего Нового времени в общем понятны. Во-первых, своеобразным препятствием для исследователей является специальная монография более чем столетней давности, посвященная интересующему нас лицу, в которой, казалось бы, исчерпывающе рассмотрены все аспекты как деятельности, так и творчества митрополита, включая исторический контекст [3]. Именно на эту книгу до сих пор неизменно ссылаются, как только речь заходит о данной теме. Не подвергая сомнению ни добросовестность, ни фундаментальность труда В. Жмакина, хотелось бы отметить, что он еще не располагал ни полным корпусом известных

ныне сочинений митрополита, ни некоторыми важными документами о его деятельности (например полный вариант Судного списка Максима Грека). Кроме того, он не мог знать о том, что именно под руководством Даниила была составлена Никоновская летопись (это установил в 70-е гг. XX в. Б. М. Клосс) [4, с. 130], а также некоторых других фактов его разносторонней активности на литературном поприще. Наконец (и это наиболее важно), за прошедшие годы в отечественной науке было сделано очень многое для понимания экономической, политической и культурной специфики русского общества того времени.

Во-вторых, явное тяготение Даниила как писателя к несамостоятельности, компилятивности, или, как это характеризует В. Жмакин, «начетничеству» [3, с. 293], видимо, снижает в глазах исследователей интерес к его творчеству вообще и, соответственно, к тем оригинальным элементам, которые в нем, несомненно, имеются. Наконец, можно предположить влияние и третьего компонента, а именно «темной славы», закрепившейся за митрополитом в глазах потомков благодаря отзывам современников, вследствие чего первоначальная чисто человеческая симпатия, которую нельзя недооценивать как фактор при выборе предмета исследования, рождается редко...

В 2001 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре проводились охранные археологические раскопки, официально в связи с реконструкцией главного храма, но с очевидной целью обретения мощей преподобного Иосифа Волоцкого (его останки действительно были обнаружены и сейчас выставлены для поклонения). Характерно, что задача найти гробницу митрополита Даниила не ставилась [5]. Одному из самых энергичных деятелей на московском митрополичьем престоле едва ли судьба быть когда-либо канонизированным, в отличие от своего духовного предшественника Иосифа и духовного преемника Макария. Немногочисленные, но выразительные характеристики современниками нравственного облика Даниила стали хрестоматийно известными, и без них едва ли обойдется любое сочинение, касающееся этого персонажа. Если не считать обвинения в политическом клевропеступлении (на котором остановимся ниже), в

вину митрополиту ставят жестокосердие («не печалуется ни о ком» [6, с. 141]; «учал ко всем людем быти немилосерд и жесток, уморял у себя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти» [7, с. 285]); корыстолюбие и чревоугодие в соединении с лицемерием («да и сребролюбие было великое» [7, с. 285]; «им надо пиры и села искати» [8, с. 102]; приводимая С. Герберштейном сплетня о том, что перед торжественными богослужениями митрополит придавал своему красному лицу бледность при помощи серного дыма, «не желая казаться преданным более чреву, чем постам, бдениям и молитвам» [9, с. 89]), и даже невежество («учителна слова от него нет никоторого» [6, с. 141]; «что они знают?» [8, с. 102]).

Исследователи давно констатировали, что часть этих обвинений как минимум неточна (или должна пониматься в каком-то ином смысле) [3, с. 297]. В самом деле, трудно понять, как можно говорить об отсутствии учительного слова со стороны первоиерарха, гомилетическое наследие которого превосходит все остальные известные до установления патриаршества образцы? Как можно утверждать богословское невежество человека, грандиозная начитанность и обширная литературная деятельность которого становятся все очевиднее по мере новых исследований и которого образованнейший Максим Грек называл «доктором закона Христова»? [10, с. 531]. Наконец, несомненные примеры «печалований» митрополита (например, за князя И. Бельского) [11, с. 366].

Достоверность остальных обвинений проверить невозможно (устойчивая тематика милосердия и аскезы в сочинениях Даниила легко может быть воспринята как фарисейство). Однако мы можем поставить вопрос, специфичны ли эти обвинения в отношении конкретного лица? Оказывается, нет. Деятели, традиционно относимые к «нестяжательскому» лагерю (сущность нестяжательства представляет собой один из самых сложных вопросов в отечественной медиевистике, и границы его неопределенны) [12, с. 46], которых при неглубоком знании материала велико искушение причислить к «строго аскетическому направлению», в незначительной степени подвергались сходным обвинениям. Так, митрополита Зосиму Иосиф Волоцкий обличает в содомии [13, с. 161], а летопись – в пьянстве [14, с. 228]; Зиновий Отенский иронически описывает пышные трапезы Вассиана Патрикеева и его «мешки с серебром» (задевая и Максима Грека) [15, с. 900]; а Иван Грозный с раздражением вспоминает «пиры с крылошанами» бывшего митрополита Иоасафа в Троице-Сергиевом монастыре и т. д. [16, с. 172]. Если же говорить о жестокости, то уже неоднократные жалобы свидетелей (на процессе 1531 г.), на боязнь, что Вассиан их «уморит»,

говорят сами за себя [17, с. 296]; но мы располагаем и прямым свидетельством крутых мер, к которым прибегал «старец-князь» по отношению к своим противникам (выдача на пытку) [13, с. 368].

Разумеется, речь не идет о том, что обвинения против митрополита Даниила (за исключением очевидно недостоверных) являются ложными. Степень их истинности установить трудно; а кроме того, автор настоящей статьи придерживается презумпции абсолютного доверия к тексту источника, если нет доказательств в пользу обратного. Однако вышесказанное, на наш взгляд, позволяет предположить, что большинство обвинений носят такой характер, который был более или менее применим к значительной части политических противников, положение которых определялось сочетанием монашеских обетов и жизнью «вблизи от мира», и, более того, активно применялся. Традиция стереотипных обвинений подобного рода могла бы стать предметом отдельного исследования; пока же хотелось бы отметить, что они позволяют судить не столько о нравственном облике митрополита, сколько о его непопулярности, во всяком случае, в элитарных кругах, от которых они в данном случае и исходят.

Можно, конечно, полагать, что убеждение в личной безнравственности главы Русской церкви и было причиной подобных обвинений. Не отвергая этот тезис априори, попробуем установить иные возможные причины «нелюбья» к митрополиту, а в дальнейшем и к его памяти, не только оппозиционных по отношению к верховной власти кругов русского общества первой половины XVI столетия, но и официальной идеологии и историографии, не проявившей никакого заметного энтузиазма к посмертной реабилитации лица, заслуги которого в установлении тесного союза между государством и иосифлянским течением в Церкви, казались бы, несомненны.

Вышесказанное напрямую выводит нас на проблему интерпретации общественной и политической позиции митрополита в беспокойную в идейном отношении эпоху его жизни и деятельности. Прежде всего нуждается в характеристике общественная ситуация 20-х гг. XVI в.

Завершающий этап объединения русских земель осуществился в очень короткие сроки (фактически на протяжении жизни одного поколения) и в значительной мере носил военно-политический характер [18, с. 236]. Нельзя, конечно, говорить о полном отсутствии социально-экономических предпосылок централизации, но они были, во всяком случае, значительно слабее, чем в случае западноевропейских аналогов. Создание общероссийского рынка, по мнению большинства исследователей, относится только к XVII в. [19, с. 4], а ка-

кой-либо заметной роли в объединении страны торгово-ремесленные круги, насколько можно судить, не сыграли. Если пытаться выделить наиболее значимую причину, содействовавшую этому процессу, то ей, скорее всего, окажется фактор внешней угрозы, а точнее, ослабление и распад Орды при сохранении в то же время значительной опасности, исходившей от ее осколков.

Верхушечный и стремительный характер объединения не мог не вызывать у носителей верховной власти ощущения некоторой неуверенности. Она особенно отчетливо проявилась в манере поведения Василия III, который, по свидетельству современников, решал государственные дела втайне, в узком кругу приближенных [6, с. 142], и даже факт своей смертельной болезни старался скрывать как можно дольше [20, с. 556]. Хорошо известно, какую деформированную форму подобное ощущение приняло у более психически неустойчивой личности – Ивана IV. Опасения эти едва ли касались возможного сепаратизма отдельных территорий. Реальных сил, которые были бы в этом заинтересованы, не было [21, с. 11]. А вот положение самого московского правителя было не вполне прочным. В верхних эшелонах власти было достаточно лиц, которые могли претендовать на ограничение или даже узурпацию власти великого князя, используя в этих целях его удельных братьев или внешние осложнения. Фактически подобного не произошло, однако многочисленные факты свидетельствуют, насколько серьезно воспринималась такая угроза и насколько жестокие методы порой применялись для ее устранения [22, с. 599].

Самой серьезной проблемой, как представляется, было подробно исследованное историками качественное и количественное изменение состава правящей элиты [23, с. 289]. Наиболее реальным средством удержать за собой новоприсоединенные земли было заинтересовать местную аристократию карьерой и новыми имущественными приобретениями при московском дворе. А свойственный традиционному обществу принцип родовойности приводил к тому, что на первые роли, по факту происхождения, претендовали «княжата» (Рюриковичи или Гедиминовичи), прекрасно помнившие о своем происхождении. Хотя и им уже было не в диковинку именовать себя «холопомами» великого князя [24, с. 98], вряд ли беззаветная служба составляла для большинства из них исключительный смысл жизни. Первая группа родов была опасна своими отдаленными династическими правами на престол, вторая – органическими связями с главным соперником Москвы по собиранию русских земель – Литвой. Представители же старомосковского боярства, традиционных слуг государевых, оказались оттеснены на второй

план [11, с. 411], а это обычно служит серьезным испытанием верности.

В изучаемое время противовесом боярской знати не могли выступить ни дворянство, ни торгово-ремесленные круги. Сословное самосознание, необходимое для единства действий, в их среде еще только намечалось.

Но не сложилось оно и в аристократических кругах, хотя именно здесь консолидация правящего сословия с целью ограничения власти верховного правителя представлялась реальной альтернативой [24, с. 395]. Тем более, что московским боярам были прекрасно известны процессы в соседнем Великом княжестве Литовском, которые шли именно в этом направлении. Правда, будущее (события эпохи так называемого боярского правления) весьма рельефно показало, что труднопреодолимым препятствием на пути к этому служила беспощадная конкуренция эгоистических интересов отдельных родов и кланов. Не прошло еще и года после смерти Василия III, существовало еще «регентство» Елены Глинской, а уже бояре, по яркой характеристике одного беглого польского пленника, «мало ся... ножи не порезали» [25, с. 34]. Тем не менее настояния на необходимости закрепления за «советниками» государя определенных прав нередко звучали в ходе оживленной идейно-политической полемики первой половины XVI в., едва ли не основная тематика которой может быть обобщена словами Берсена Беклемишева: «...как устроити государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити» в очевидно для всех изменившихся условиях [6, с. 141].

Напряженные идейные поиски новых общественных идеалов таили в себе немалую опасность не только для политического положения Церкви, но и для традиционного православия вообще. Дело в том, что как минимум до XVI в. христианизация Руси носила достаточно поверхностный, или, точнее, внешний характер. Светское и духовное начала сосуществовали как вода и масло, и сфера их взаимодействия была ограничена (главным образом пространством ритуала) [3, с. 629]. Крайне аскетические тенденции в учительной традиции русского православия (в отличие от большего разнообразия византийской), изначально призванные своей суровостью утратить и принудить хотя бы к минимальному уровню покорности «варварское» сознание населения, в качестве побочного эффекта закрепляли размежевание между этими двумя сферами, порождая убеждение в том, что «в миру спасение невозможно» [3, с. 487], и, во всяком случае, в миру действуют иные законы (что наиболее четко проявилось в послании Ф. Карпова тому же митрополиту Даниилу) [26, с. 226]. «Правда» и «вера», которые А. Л. Юрганов признает архетипическими

категориями русской средневековой ментальности [27, с. 35], не только отделялись друг от друга, но нередко и противопоставлялись (особенно это заметно у И. Пересветова) [28, с. 181]. В «благоприятных» условиях (укрепление социального положения индивида, резкие общественные перемены) тенденции «светского вольнодумства» приобретали наступательный характер. Это проявилось и в покушении на права и независимость Церкви тех великих князей, которые ощущали заметный рост своего политического веса (Дмитрий Донской, Иван III), и в появлении ересей.

Несмотря на то, что содержание русских ересей раннего Нового времени известно далеко не до конца, ряд фактов позволяет тесно связать их происхождение со «светским вольнодумством». Так, связь еретиков с московскими правящими кругами, а также длительное покровительство им со стороны Ивана III представляются неотделимыми от конфликтов между данным правителем и митрополитами Филиппом и Геронтием, и от попытки его же наложить руку на монастырские земли. В принципе, как великокняжеская власть, так и боярство потенциально были носителями вольнодумно-еретической угрозы по отношению к Церкви и ее учению. Резкие повороты в идеологических построениях Иосифа Волоцкого, от жесткой критики произвола «царской» власти до ее апологетики, в известном смысле показательны. Многие здесь зависело от позиции самой Церкви, особенно митрополии. В условиях обозначившегося в первой половине XVI в. конфликта интересов между великим князем и боярством позиция чистого нейтралитета фактически оказалась невозможной. Согласно древней традиции, митрополиту отводилась роль посредника и примирителя, своего рода «цензора» тех нравственных коллизий, которые неизбежно порождает активная политическая деятельность [24, с. 231]. В частности, ходатайство за опальных вменялось ему едва ли не в неизменную обязанность (чем и объясняется раздражение Беклемишева по поводу того, что Даниил этим в ряде случаев пренебрегал). Разумеется, государственная власть не могла неизменно снисходить к таким ходатайствам; отсюда, собственно говоря, и их императивность, которая в противном случае дезорганизовала бы всю систему управления (невозможную без каких-либо репрессивных действий). В свою очередь, настоятельным увещаниям подвергались и разного рода противники великого князя (например Дмитрий Шемяка) [22, с. 114]. Однако в обстановке, когда инициатива находилась в руках центральной власти, последовательное продолжение традиционной практики объективно означало бы солидаризацию митрополита с боярством против великого князя, т. е. его оппозицион-

ность. Последствия этого предугадать было нетрудно, исходя из отработанной уже в XV в. практики смещения неугодных первоиерархов, а также очевидных попыток лишить Церковь имущественной самостоятельности (все тот же вопрос о монастырских землях). Более того, русские мыслители того времени, активно обращавшиеся к престижным инокультурным образцам – византийскому, восточному и западному (на сцену уже выходило лютеранство) опыту, легко могли почерпнуть в любом из этих источников идею верховенства светской власти в духовных делах. Для противостояния произволу государственной власти (а именно и только в этом качестве хотели бы видеть митрополита представители светской элиты) он находился в слишком уязвимом положении, будучи не в силах опереться ни на какую внешнюю силу, само же боярство едва ли могло оказать ему эффективную поддержку, не будучи способно на последовательное консолидированное противостояние с властью, а самое главное, не будучи твердо приверженным идеям и интересам Церкви. И если после выступления Филиппа Колычева митрополиты последних лет правления Ивана Грозного были принуждены к роли безгласных статистов, то подобная позиция полувеком ранее, когда нестабильная идеология государственной власти носила еще значительно более светский антураж, могла закончиться фатальными последствиями. Конечно, здесь определенную роль играл и личностный фактор: более консервативный и далекий от мира человек мог бы этим пренебречь, но едва ли на это был способен Даниил, воспитанный в практической школе Иосифа Волоцкого.

Альтернативой ревностному исполнению традиционной роли «заступника обиженных» могла быть только общественно-политическая пассивность. Но она объективно «лила воду на мельницу» великокняжеской власти, поскольку именно эта последняя больше всего нуждалась в ослаблении вмешательства с позиций нравственности в свои политические действия. Однако здесь имеется еще один нюанс. Власть после серии проб и ошибок удалось найти механизм продвижения на первосвятительскую кафедру слабых и пассивных кандидатур. Таким был митрополит Симон (исследователи применяют к нему эпитет «безвольный») [11, с. 61], таким, вероятно, на протяжении большей части своего правления был и митрополит Варлаам (хотя о его жизни и деятельности нам известно предельно мало, но и это уже само по себе симптоматично). Однако как союзники в обостряющемся трении с боярскими кругами такие фигуры имели минимальную ценность, а пример Варлаама, оставившего кафедру в связи с какими-то морально неприемлемыми для него требованиями

великого князя (точно неизвестно, шла ли речь о содействии «операции» по поимке Василия Шемячича или о разводе с Соломонией Сабуровой, или еще о чем-либо) [9, с. 89] показал и то, что в ряде случаев требуется (по крайней мере, эпизодическое) активное «потаковничество». Но самое главное, пожалуй, в том, что от предстоятеля Русской церкви требовалась не просто пассивность, а, если можно так выразиться, «активная проповедь пассивности», если уж было невозможно добиться последовательного и прямого угодничества.

Единственной группировкой в среде русского духовенства, ориентированной на активную мирскую деятельность, были сторонники иосифлянско-го направления. Конечно, исходя из характера этого движения, четко осознающего собственные интересы, не могло быть сомнений, что они запросят немалую цену за сотрудничество (в частности неприкосновенность церковного имущества). Поэтому ориентация на них в то время могла стать возможной только в условиях усиления чувства слабости и неуверенности со стороны правителя. Вероятно, именно такой период пережил Василий III в начале 20-х гг. XVI столетия. Видимых причин можно назвать две: окончательное разочарование в возможности рождения наследника от Соломонии и, следовательно, возрастание угрозы со стороны удельных братьев, а также опустошительное крымское нашествие 1521 г., поставившее под сомнение военную состоятельность великого князя [11, с. 247]. Может быть, от нас остаются скрытыми ряд каких-то других причин. Во всяком случае, несомненно то, что приход к власти Даниила оказался тесно сопряжен с отказом от амбициозных «нестыжательских» проектов монарха (заметным ослаблением нажима правительства на церковные привилегии [29, с. 267], а затем и падением Вассиана Патрикеева). В 1522 г. он решился на то, чтобы вернуть управление Русской церковью относительно молодому и энергичному настоятелю Иосифо-Волоцкого монастыря, что, как оказалось впоследствии, знаменовало собой поворотный пункт во взаимоотношениях светской и духовной властей.

Факты сотрудничества Даниила с великокняжеской властью, доходившие до прямого попрания церковных канонов и христианских нравственных норм, общеизвестны. Это согласие на насильственное пострижение первой жены Василия и повторный его брак, а также выдача охранной грамоты заподозренному в измене князю В. Шемячичу, которая сделала возможным его арест (согласно Беклемишеву, митрополит вполне осознавал, что его действия имеют характер клятвopеступления, и даже радовался исходу дела) [6, с. 144]. Осуждение Максима Грека нельзя уверенно поставить в этот ряд, поскольку невозможно установить, кто являл-

ся подлинным инициатором расправы над ним – церковная или светская власть [12, с. 208]. Благо-склонное отношение великого князя до конца жизни к Волоколамскому монастырю, а также отмеченный летописью факт личного обмывания митрополитом тела покойного Василия (чего он делать вовсе не был обязан) [20, с. 563], свидетельствуют об определенной личной симпатии между двумя этими деятелями.

Гораздо меньшее внимание привлекают факты обратного порядка. Между тем их немало. Начнем с того, что в довольно многочисленных и разнообразных по тематике сочинениях Даниила мы, вопреки ожиданиям, не находим почти никакой апологетики государственной власти (это отметил еще В. Жмакин, но далеко идущих выводов из этого факта не сделал) [3, с. 408]. Конечно, сюжет о повинности установленным от Бога властям наличествует [3, с. 409], но он не занимает особого места, и нет даже конкретизации, имеется ли в виду власть светская или духовная. Таким образом, в хоре певцов высокого призвания «царства», в котором мы находим даже Максима Грека, и которые, хотя и преследовали весьма различные цели, совместными усилиями способствовали становлению идеологии русского самодержавия, голоса митрополита Даниила нет! Едва ли это случайность, обусловленная механической утратой источников.

Как уже говорилось, митрополит использовал свое право печалования за опальных, хотя и выборочно. Он оказал заступничество даже А. Шуйскому [30, с. 78], хотя именно партией Шуйских в итоге и будет низложен. Кроме того, он сохранял отношения с братом великого князя Юрием Дмитровским [3, с. 740], хотя не мог не понимать, что в условиях напряженных отношений между братьями это сильно компрометирует его. Очень интересным представляется и факт (которому В. Жмакин опять же не дает объяснений), что Даниил заметно отличается от своего учителя, Иосифа Волоцкого, в вопросе об отношении к еретикам, и отличается именно в сторону снисходительности. Если первый призывал не верить даже покаянию сторонников ереси, то второй признавал, что большинство из них являются случайными попутчиками лжеучения, и только в случае сознательного идейного упорства надлежит применять вместо убеждения силовые методы [3, с. 423]. Поскольку никаких фактов «уклонения в неправовереие» Василия III неизвестно, создается впечатление, что это не что иное, как попытка пойти навстречу вольнодумной элитарной (в частности боярской) среде, насколько это было вообще возможно. Широкомасштабных преследований еретиков при Данииле неизвестно (за исключением процессов против Вассиана, Максима и их соратников). Между тем накануне свер-

жения митрополит жалуется на оживление еретиков, следовательно, он отнюдь не считал деятельность по очищению правоверия законченной [12, с. 355]. Можно, конечно, предположить, что инквизиторскую активность митрополита сдерживал великий князь, но ведь и в этом случае мы видим отнюдь не идиллическую картину взаимоотношений между ними. Наконец, обращает на себя внимание то, что до 1531 г. сохранял свое положение при дворе Вассиан Патрикеев, открытый и даже, можно сказать, смертельный враг митрополита; а в 1530 г. Даниил не вошел в число трех восприемников при крещении новорожденного Ивана (IV) [24, с. 8]. Охлаждение к митрополиту правительства Елены Глинской (которое, в частности, заставило его нести расходы на строительство Китай-города) [31, с. 429] тоже небезынтересно, если считать, что оно продолжало строго централизаторскую политику.

Была ли, однако, у митрополита какая-либо позитивная программа? Да, была. Она развивалась в двух направлениях: с одной стороны, энергичной работой над созданием собственной версии общерусского летописания (Никоновская летопись), упорядочением памятников церковного законодательства (Сводная кормчая) и поземельных актов митрополичьей кафедры (Копийная книга) [4, с. 58, 65, 130]; с другой стороны, беспрецедентной проповеднической активностью. До нас, вероятно, дошла лишь небольшая часть посланий и проповедей митрополита [3, с. 274], однако и она составляет немалый объем. Как уже говорилось, острые общественно-политические проблемы замалчиваются Даниилом, и, вероятно, сознательно. Проповеди его носят преимущественно нравственный характер. Однако имеет смысл обратить внимание на то, что буквально лейтмотивом в них, независимо от конкретной темы, звучат слова: «любовь», «тихость», «смирение», «кротость», «терпение» (а также во вставках в текст Никоновской летописи) [4, с. 119]. Смысл их во многом пересекается; однако нельзя сказать, что они в совокупности представляют собой единственную христианскую добродетель или что особый акцент на них можно считать общим местом. Нет, это, бесспорно, индивидуальная особенность, что лишний раз подтверждает и послание Ф. Карпова с критикой проповеди терпения. Думается, Карпов верно уловил общий социальный смысл слов Даниила: они призваны были по возможности «заморозить» мирскую активность слушателей, пригасить порывы честолюбия, которые во все времена вплоть до наших дней являются основным двигателем общественно-политической борьбы. Объективно, конечно, это было на руку великокняжеской власти. Но в этом ли состояла цель митрополита? Скорее, мож-

но предположить, что, пытаясь приостановить мирские распри, он хотел выиграть время для систематизации авторитетного книжного наследия всякого рода, превращения его в канон, а кроме того, изменения приоритетов в частной жизни людей в сторону христианских норм (чему и посвящена значительная часть его проповедей) и таким образом компенсировать утрату институционального влияния Церкви усилением влияния нравственного.

Немногочисленные свидетельства о воззрениях митрополита в области внешней политики заставляют видеть в нем сторонника экспансии Русского государства. Он «воздавал хвалу» великому князю за построение на казанской территории города Васильсурска [6, с. 144], а его изменническое поведение по отношению к Шемяичу находит некоторое объяснение в том, что последний проявлял более чем подозрительное нежелание содействовать Василию III в его военных операциях, и, следовательно, его обширное княжество представляло собой «ахиллесову пяту» в войне с Литвой [11, с. 254]. Были ли вызваны воинственные взгляды митрополита исключительно миссионерскими соображениями или же во внешней экспансии он видел своеобразный клапан спуска внутреннего напряжения? Для ответа на этот вопрос данных мало, но, думается, последний вариант вероетен.

Подводя итоги, хотелось бы сказать следующее. Митрополит Даниил, безусловно, являлся одним из первопроходцев «симфонии» между Церковью и государством на Руси, т. е. не сосуществования, а именно сотрудничества между этими двумя ветвями власти. В то же время было бы преувеличением видеть в нем «угодника» монархии. Сомнительные в нравственном отношении услуги, оказанные им Василию, касались (насколько нам известно) преимущественно вопросов обеспечения преемственности власти и, следовательно, ее стабильности, а также укрепления внешней безопасности. И хотя попытка парализовать мирскую активность элиты объективно была выгодна государственной власти, никакого активного стремления содействовать ее дальнейшему возвышению в ущерб сословиям (и Церкви) мы не видим, да это было бы и нелогично. Политическая позиция Даниила вырисовывается как последовательно направленная в интересах Церкви, а не великого князя и не боярства, и неудивительно, что он стяжал откровенную ненависть со стороны значительной части последнего и в то же время не удостоился благодарной памяти среди сторонников первого, которые не делали, насколько известно, никаких попыток его посмертной апологии в житийном ключе. Есть искушение сопоставить в этом смысле его судьбу с судьбой Макария, но важно отметить, что Макарий

действовал в совершенно иной обстановке, когда отчетливо проявились все недостатки боярского правления, а кроме того, была надежда воспитать из юного Ивана IV «идеального правителя», которую в случае Василия III питать не приходилось.

Иначе говоря, нет прямых данных, чтобы судить о том, как вел бы себя Макарий на месте Даниила, или Даниил на месте Макария. Каждому из них история отвела особую роль и в соответствии с этой ролью – место в исторической памяти.

Список литературы

1. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1. Л., 1988. 520 с.
2. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. 528 с.
3. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. 872 с.
4. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков // Полное собрание русских летописей. Т. XIV. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. 600 с.
5. Фролов М. В. Иосиф Волоцкий и царевич Фёдор (из истории Иосифо-Волоцкого монастыря). URL: http://zhurnal.lib.ru/ff/frolow_m_w/igumen.shtml
6. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. 550 с.
7. Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении // Исторические записки. Т. 46. М., 1954. 337 с.
8. Покровский Н. Н. Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971. 186 с.
9. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. 430 с.
10. Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. Казань, 1894. 548 с.
11. Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. 452 с.
12. Плигузов А. И. Полемика в русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. 416 с.
13. Послания Иосифа Волоцкого. Л., 1959. 390 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. 312 с.
15. Истины показание к вопросившим о новом учении: Сочинение инока Зиновия. Казань, 1863. 1010 с.
16. Послания Ивана Грозного. М. – Л., 1951. 552 с.
17. Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М. – Л., 1960. 358 с.
18. Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. 336 с.
19. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. 514 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Вып. 1. Новгородская Четвертая летопись. М., 2000. 690 с.
21. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. 602 с.
22. Борисов Н. С. Иван III. М., 2003. 644 с.
23. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М., 1988. 350 с.
24. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003. 403 с.
25. Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М. – Л., 1958. 516 с.
26. Кимеева Е. Н. «Послание митрополиту Даниилу» Фёдора Карпова // Тр. отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР. Т. 9. М. – Л., 1953. 480 с.
27. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. 447 с.
28. Сочинения И. Пересветова. М. – Л., 1956. 388 с.
29. Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI вв. М., 1967. 392 с.
30. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. 544 с.
31. Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. М., 2005. 704 с.

Соболевский А. В., ст. преподаватель.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: alexios76@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 31.05.2010.

A. V. Sobolevskiy

THE SOCIAL AND POLITICAL STANDING OF METROPOLITAN DANIEL

The aim of the article is to clarify social and political standing of Daniel, the metropolitan of Moscow in the first half of 16th century. The author comes to conclusion that Daniel's cooperation with state authorities was mainly induced and did not have a global character.

Key words: *Russian state, the Russian Orthodox Church, history, 16th century.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634061.

E-mail: alexios76@inbox.ru